

После наступления Лидуна, начала зимы, море заметно похолодало. Особенно промозглой становилась глубина - ниже трёх чжан вода словно леденела. Чжун Мин часто возвращался наверх уже через четверть часа: руки и ноги деревенели так, что двигаться становилось трудно. На мелководье он немного отогревался, прежде чем снова нырнуть.

Когда он, наконец, выбирался на берег, то долго размахивал руками и топал ногами, пока тепло не доходило до кончиков пальцев. Он массировал колени и невольно думал, что если будет и дальше нырять без разбора по временам года, то к старости заработает ревматизм, а там, глядишь, и превратится в хромого старика.

К счастью, такой холод длится недолго. С зимнего месяца до конца первого месяца нового года не больше двух-трёх месяцев, а потом приходит Личунь, и море вновь начинает понемногу теплеть. В сущности, в Цзююэ не бывает настоящей зимы: даже в самые холодные дни здесь теплее, чем весенние холода северных земель, что помнились Чжун Мину.

Он решил, что этой зимой будет меньше нырять. Только если какой-нибудь хозяин ресторана или господин пришлёт нарочно за ним, чтобы достать что-то по-настоящему дорогое, тогда стоит рискнуть. А ради мелочи лезть в ледяную воду глупо: серебра не заработаешь, а потом всё уйдёт на лекарства.

Теперь у его семьи было немало способов заработать. Помимо торговли соусом приближался сезон ловли рыбы-сабли, который обычно приходился на время зимнего солнцестояния. А раз уж теперь они перебрались в новый дом на сваях, прежняя жилая лодка стояла свободной - самое время выйти с родичами в море и перед Новым годом подзаработать немного серебра.

Продумав всё это, Чжун Мин весело свистнул, наклонился и поднял сетку, лежавшую на камнях. Добыча в ней была скромная по числу, но на вид стояла дорогого. Одна жирная, ладонью нехватишь, цветастая мурена толщиной с детскую руку; другая - коренастый, с широкой пастью морской черт, или, как здесь говорили, лягушачья рыба.

Обе были непростые противницы: мурена кусается так, что при неосторожности легко лишиться пальца, а морской черт крупный и сильный. Чтобы не рисковать, Чжун Мин пользовался гарпуном - и та, и другая рыба были уже с пробоинами и давно без дыхания. Он знал, что такую добычу нужно поскорее везти в уезд пока свежая, а заодно можно будет забрать Су И, который там торговал.

— Старший брат! Я с тобой за невесткой! — закричал Чжун Хань, заметив лодку с берега. Он как раз стоял кверху задом, копаясь в песке в поисках моллюсков, но, увидев брата, бросил ведёрко и, подпрыгивая, замахал руками.

— Залезай, — указал подбородком Чжун Мин, подгоняя лодку к берегу и перекидывая доску, чтобы по ней можно было взойти.

С Чжун Ханем на песке возились и другие ребяташки - Тан Цюэ, Чжун Бао и Чжун Мяо. Подумав немного, Чжун Мин решил взять всех четверых: пусть будет маленькое приключение,

заодно посмотрят деревню, повеселятся. Все они были из одного клана, и старший брат чувствовал себя ответственным не только за младшего Чжун Ханя. К тому же дети часто помогали: благодаря им у семьи больше не было забот с ингредиентами для соусов из моллюсков и песчаных крабов. Хотя кажется, что этих морских тварей кругом полно, на деле, чтобы за день накопить несколько цзиней, нужно изрядно потрудиться.

Сегодня добычи было немного, и дорога предстояла быстрая - в самый раз устроить ребятам маленькое приключение. Чтобы тётя и дядя не волновались, Чжун Мин сделал остановку у пристани и, заметив знакомого, попросил передать, куда они отправились. Зная свою вторую тётю, он понимал: она непременно сообщит и третьему дяде, и тётю.

— Какая уродливая рыба!

Дети быстро заметили мёртвую рыбу в сетке. Чжун Бао наклонился поближе, посмотрел и, сморщившись, вскрикнул, отшатнувшись:

— Фу, какая страшная!

Тан Цюэ и Чжун Хань тоже передёрнули плечами, по их коже пробежали мурашки, но хоть им было жутковато, глаза всё равно блестели от любопытства. Лишь одна Чжун Мяо, девочка, оказалась смелее всех: она протянула руку и через сетчатые ячейки осторожно провела пальцами по скользкой чешуе.

— Старший брат А-Мин, — спросила она, — а это какая рыба?

Морских рыб существовало несметное множество, и лишь бывалые рыбаки могли без запинки перечислить с десятков-другой видов. А дети, что ни разу не выходили в открытое море, легко путались в названиях, особенно когда дело касалось редкой добычи.

— Это лягушачья рыба, — объяснил Чжун Мин. — В городе её зовут пипа-юй - рыба-пипа. Только не та пипа, что фрукт, а та, на которой музыку играют.

Дети уставились на него с одинаково пустыми лицами. Ни та, ни другая им не была знакома - среди людей воды песни пели голосом, безо всяких инструментов.

Тогда Чжун Мин стал рассказывать, что такое пипа, как на ней играют, а потом объяснил, как эта рыба, настоящая чудо-зверюга, ловит добычу: у неё на голове есть маленький фонарик, и она им манит мелкую рыбёшку прямо себе в пасть.

Детвора слушала, затаив дыхание. Никто из них и не думал, что под водой есть такие хитрые создания и впервые слышали, что «рыба ловит рыбу».

Узнав, что эта огромная рыба, оказывается, умеет как человек пользоваться «удочкой», чтобы

приманивать мелочь, даже самый старший из них, Тан Цюэ, застыли с открытыми ртами от изумления. А когда первый шок прошёл, страх перед уродливым существом мгновенно сменился восторгом: все четверо гурьбой кинулись ближе, начали наперебой рассматривать её голову, раздвигая жабры и чешую - где же у неё та самая «удочка» растёт?

Чжун Хань, стоя чуть в стороне, сунул руки в рукава и тяжело вздохнул. Ну почему, думал он, у него, в отличие от старшего брата, ни сила не та, ни сноровки? Он бы тоже хотел, как брат А-Мин, нырять и ловить таких чудных рыб - это ведь куда интереснее, чем копать в песке, выковыривая моллюсков.

Когда они добрались до пристани у Цинпу, Чжун Мин велел детям идти перед ним цепочкой, держась за руки, чтобы никто не отстал. Сам шёл сзади, неся сетку с рыбой. На подходе к торговым рядам он заметил знакомое лицо у их прилавка: кто-то уже ждал Су И, чтобы купить соус.

— Управляющий Шан? — окликнул он.

Это действительно был Шан Ань, один из управляющих из второго дома семьи Хуан. С тех пор как они однажды нанимали Чжун Мина для морской вылазки, тот нередко заглядывал к ним за свежей рыбой. В последнее время Шан Ань пристрастился к их соусам - рыбному и из гребешков: брал по два ляна и, бывало, под одну порцию выпивал целый кувшин старого вина.

Он был завсегдаем с толстым кошельком - покупал самые дорогие соусы, по несколько цзиней за раз. Вряд ли всё шло только на собственный стол: видно было, что часть раздаёт в подарок.

Шан Ань стоял, заложив руки за спину, и сперва с недоумением покосился на целую стайку ребятишек, что выстроились цепочкой за прилавком. Но стоило ему заметить, что в сетке блестит свежая рыба, как глаза его сразу засверкали.

— Это что у тебя за редкая добыча на сей раз?

Су И, всё ещё удивлённый тем, почему Чжун Хань пришёл не один, а с целой ватагой, ловко завязал и передал две банки рыбного соуса и две из гребешков, затем жестом велел детям уйти за стол, подальше от людского потока, чтобы их не задели.

Тем временем Чжун Мин, заметив хорошее настроение управляющего, тоже оживился: раз уж наткнулся на Шан Аня, значит, сегодняшний улов уйдёт без лишних хлопот.

— Одна - цветная мурена, другая - рыба-пипа, — сказал он. — Обе пойманы не больше получаса назад. Зимняя мурена особенно жирная, стоит поджарить - масла выйдет целая лужица. А у пипы печень настоящее первосортное лакомство. Если бы не вы, управляющий Шан, я уж собирался обойти рестораны, предлагать там.

Он говорил не без гордости: чтобы не повредить печень, пришлось метко пустить гарпун под углом. Хорошо, что морской черт - рыба ленивая, любит лежать на дне, зарывшись в ил; будь она хоть чуть проворнее, такую добычу и с гарпуном не так-то просто взять.

Шан Ань провёл ладонью по аккуратной бородке и довольно хмыкнул - повезло же, что пришёл именно в этот час.

— Зачем в рестораны? — сказал он. — Такую печень, как у этой рыбы-пиры, в наших краях мало кто и пробовал, а разве в дешёвых харчевнях найдётся повар, способный приготовить её как следует? Нет уж, отдать им - только испортить добро.

Эти рыбы встречались редко. Богатые господа, хоть и морщились при виде их уродливой головы и зубастой пасти, всё же знали цену рыбе-пипе, точнее, её печени. Само мясо считалось грубым, но печень, нежная и жирная, таяла на языке и стоила дорого именно потому, что в теле огромной рыбы её набиралось всего несколько лян. Остальное мясо потом доставалось слугам, им тоже перепадала своя доля.

— Взвесь, — распорядился Шан Ань. — Всё беру. Сейчас пошлю мальчишку за серебром, заберёт.

Мурена оказалась весом в пятнадцать цзиней. По двести вэнь за цзинь вышло три лян серебра. Рыба-пира тянула на шесть цзиней с лишним, по триста двадцать вэнь - ещё два лян да один цянь сверху. Чжун Мин округлил сумму, скинув лишнее, и мальчишка, пришедший забрать рыбу, сиял от радости: и так-то неплохо заработал, а остаток, понятно дело, уйдёт напрямиком к нему в карман.

Пять лян мелкого серебра легли в ладонь Чжун Мина; он передал их Су И. Тот вытер руки полотенцем, улыбнулся и принял деньги, чуть потряс на вес и убрал в кошель, где звенели в основном медяки. Сверху лежала связка в четыре сотни вэней - как раз за соусы, что купил Шан Ань. Поскольку сумма вышла ровная, без сдачи, Су И, по обыкновению, добавил по два лишних лян к каждой банке - маленький подарок постоянному клиенту.

— Сегодня, видно, хорошо нырнул, — сказал он, поднимая глаза на мужа. — Только скажи честно: когда вылез из воды, имбирный отвар выпил?

Чжун Мин почесал нос - явный признак вины. Он спешил в уезд, было не до отвара. Увидев, как тот отвёл взгляд, Су И только покачал головой.

— Я ведь знал, что поленишься, — вздохнул он. — С утра всё вместе сварил, и воду, и имбирь, оставил в горшке на очаге. Надо было всего лишь подбросить поленьев и вскипятить заново.

Подумав, он полез за пазуху, достал кусочек засахаренного имбиря и сунул мужу в ладонь. Это были те самые сладости, что Чжун Мин когда-то сам купил для него и для младшего брата, чтобы те зимой не мёрзли. Но дети, как водится, радовались лишь сладкой оболочке конфеты.

Стоило добраться до самого имбиря, они начинали корчить рожицы, стонать, что жжёт язык, и, давясь, всё-таки проглатывали, после чего наперегонки хватались за кружки с водой. После такого опыта больше ни один не соглашался есть.

Су И не любил, когда добро пропадает, а ещё знал за собой привычку крутиться по хозяйству и забывать о мелочах, потому стал носить пару кусочков с собой. Так и не пропадёт, и всегда под рукой.

— Съешь две штуки, — сказал он мужу, — от холода самое то.

Потом повернулся к остальным: не хотят ли и ребятишки?

Чжун Хань, как обычно, замотал головой так, что волосы взлетели; трое других потянулись по конфете. Но стоило им зажевать, как Чжун Хань, глядя на товарищей, всё же не выдержал, подошёл и, хитро прищурившись, выбрал самую маленькую.

— Хитрец, — усмехнулся Чжун Мин. — Видал, сразу угадал: в ней почти один сахар, имбиря - одни крохи.

Сказав это, он сам закинул в рот две крупные дольки. Разжевал прямо так, не рассасывая, и жгучий вкус мгновенно разошёлся по горлу и груди, даже глаза прищурились, зато потом стало тепло, будто огонь прошёл от глотки до живота, и дыхание пошло с острым имбирным ароматом.

— Сяо Цзай сегодня упрашивал идти со мной, — сказал он, улыбаясь. — Ну я и взял всех разом. Пусть хоть немного проветрились, а не сидят день-деньской в деревне, копая моллюсков да крабов. А мы уж после торговли пройдемся, купим чего, да домой.

Су И прикинул вслух:

— Соль, сахар, масло - всё на исходе. Особенно соль. Уходит прямо на глазах.

Хотя Цзююэ и славился морской солью, цена на неё здесь была не ниже, чем в других местах, ведь продавали только государственную, с установленной таксой. Частная соль стоила дешевле, но рисков было куда больше: в такой находили песок, горечь, да и если попадёшься с ней - без телесного наказания не обойдёшься.

— Быстро кончается - значит, дело идёт в гору, — усмехнулся Чжун Мин. — Без соли еда не продается, это уж верно.

Они быстро собрали прилавок, взвалили коромысло с корзинами и пошли за покупками. По дороге, проходя мимо ларька со сладостями, купили детям по порции сахарной тянучки - её наматывали на две палочки, крутя и вытягивая, можно было и поиграть, и полакомиться.

На полпути они повстречали Чжань Цзю с целой бригадой. Он как раз возвращался с деревни на паре мулов и вёз нагруженную телегу: в двухэтажных бамбуковых клетках кудахтали куры и кричали утки, а рядом в огромных корзинах громоздились осенние груши и целая гора высушенной кожуры помело.

Чжун Мин с первого взгляда понял, что кожа пойдёт на лекарства, видно, Чжань Цзю собирался сбыть её в аптеку. Всё как он и думал: если не лениться и искать, всегда можно найти, чем подзаработать, хоть немного, да в плюс выйдет.

Сам Чжань Цзю правил вожжами, а двое его подручных выглядели куда более усталыми: каждый держал в руках корзину с куриными и утиными яйцами, чтобы не побились на ухабах. По лицам видно, что день выдался тяжёлый.

Увидев Чжун Мина и Су И, Чжань Цзю натянул поводья, остановил телегу и поздоровался. Его помощники с облегчением спрыгнули вниз, размяли ноги, плечи, тоже поздоровались и с радостью кивнули детям.

С тех пор как он побывал у семьи Чжун на новоселье в доме на сваях, все уже знали друг друга. Чжань Цзю, смеясь, достал из корзины несколько груш и раздал малышам по одной. Те переглянулись, получили одобрителный кивок от старшего брата и, сияя, принялись благодарить, обнимая огромные плоды.

Чжун Мин, заметив, что у Чжань Цзю настроение отличное, спросил:

— Ну как, продал прошлую партию соусов?

На днях Чжань Цзю впервые взял их товар на продажу - пять цзиней креветочного соуса, столько же крабового из песчаных крабов, по пять банок соусов из моллюсков, из крабов и из рыбы. Самый дорогой из гребешков он решил пока не брать: в деревнях, считал он, не всякий решится купить такую роскошь. Креветочный и крабовый шли по дешёвке, с них выходила самая малая прибыль - всего по пять вэней сверху на каждый цзинь. Зато остальные, хоть и продавались дешевле обычной лавочной цены почти на треть, всё равно приносили хороший доход.

— Да просто отлично! — радостно заговорил Чжань Цзю, — вот уж хотел сам к вам на прилавок забежать, а вы тут как тут. Шёл по деревням, и не успел оглянуться, как всё распродал подчистую. Креветочный да крабовый соус шли нарасхват, будто не хватит на всех. А из остальных особенно хвалили рыбный: кто попробовал, тот уж без покупки не ушёл.

В деревнях, объяснил он, продавал не целыми банками, а делил по полцзиня, по чуть-чуть. Так людям легче решиться: не каждый отважится сразу выложить несколько десятков вэней. А ему и на руку: в пересчёте на цзинь выходило даже прибыльнее, на один вэнь с ляна больше.

Он довольно потёр ладони, глаза светились азартом.

— Теперь я уже понял, как идти дальше. В деревню снова поеду через три дня, но там народ ещё не всё доест, так что лучше через семь. К тому времени, благодетель, невестка, приготовьте мне ещё партию. Количество банок пусть будет то же, но креветочного и крабового прибавьте по два цзиня. И, знаете, дайте одну банку соуса из гребешков, хоть он и дорогой, но вдруг повезёт: вон в нескольких селениях у старост дома кирпичные, может, и раскошелятся.

Чжун Мин охотно согласился, прикинув на ходу: первую партию Чжань Цзю купил на один лян серебра, теперь добавляет ещё два цзя. Если он будет забирать товар хотя бы четыре раза в месяц, получится больше четырёх лян чистого дохода. Отличный сбыт, а значит, и зимой, даже без моря, семье можно не беспокоиться о пропитании.

<http://bllate.org/book/13583/1205050>